

УДК 93/94

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-4-713-723

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ РАБОЧИХ
ГОРНОЗАВОДСКОГО УРАЛА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.****SOCIO-ECONOMIC ADAPTATION OF WORKERS OF THE MINING URALS
IN THE LATE XIX-th – EARLY XX-th CENTURIES****Ю.Д. Коробков****I.D. Korobkov**

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Россия, 455023, Магнитогорск, ул. Ленина, д. 38

Nosov Magnitogorsk State Technical University,
38 Lenina st. Magnitogorsk, 455023, Russia

E-mail: korobkov@magtu.ru

Аннотация

Нестабильность социально-экономического развития постсоветской России и серьезные социальные издержки реформаторского курса ее руководства выдвинули изучение адаптации к нему различных социальных групп в число приоритетных задач российской социологии. С учетом длительности формирования адаптационных практик и закрепления их в массовом сознании на уровне поведенческих кодов эта проблема требует своего рассмотрения на историческом материале советской и досоветской России. Этим обстоятельством, а также недостаточной изученностью данных сюжетов на примере рабочих горнозаводского Урала на рубеже XIX–XX вв. обусловлен выбор темы исследования. Все рассмотренные в статье стратегии адаптации уральских рабочих были разделены на активные и пассивные модели приспособления. К первым относятся различные попытки улучшения производственной деятельности своих предприятий, включая введение рабочего контроля над ними, занятия кустарными промыслами и вторичную занятость аграрным трудом. Основными проявлениями пассивного варианта социально-экономической адаптации являлись апелляция уральских рабочих к прошлому, стремление к консервации различных элементов обязательственных отношений и патерналистские установки массового сознания. В реальной жизни наиболее массовый характер имели смешанные формы адаптационного поведения рабочих Урала. В числе главных адаптивнообразующих факторов выделяются влияние особенностей горноокружной системы, психологии местных рабочих и социокультурного механизма «архаизации сознания». Два последних, в свою очередь, затрудняли модернизацию горнозаводской промышленности края. В силу узости необходимой базы данных для оценки уровня эффективности адаптационного процесса уральских рабочих для решения этой задачи мы используем критерий его конфронтационного, равновесного или гармоничного характера. С учетом недостаточности однозначно активных форм адаптации и массового характера патриархально-патерналистских практик, конфликтного характера поземельных отношений, высокого уровня забастовочного движения, в том числе заводского террора, можно говорить о преобладании первого варианта и потому считать социально-экономическую адаптацию рабочих горнозаводского Урала малоуспешной.

Abstract

The instability of the social and economic development of post-Soviet Russia and the serious social costs of the reform course of its leadership have put forward among the priorities of Russian sociology the study of adaptation of various social groups to these reforms. Taking into account the duration of the formation of adaptation practices and their consolidation in the mass consciousness at the level of behavioral codes, this problem requires consideration on the historical material of Soviet and pre-Soviet Russia. This circumstance, as well as the lack of study of these subjects on the example of workers of the mining Urals at the turn of XIXth – XXth centuries due to the choice of research topics. All strategies of

adaptation of the Ural workers considered in the article were divided into active and passive models of adaptation. The first includes various attempts to improve the production activities of their enterprises, including the introduction of working control over them, Handicrafts and secondary employment in agricultural work. The main manifestations of the passive version of social and economic adaptation were the appeal of the Ural workers to the past, the desire to preserve the various elements of the binding relationship and paternalistic attitudes of mass consciousness. In real life, the most widespread were mixed forms of adaptation behavior of workers in the Urals. Among the main adaptive factors, the influence of the features of the mining system, the psychology of local workers and the socio-cultural mechanism of «archaization of consciousness» are singled out. The latter two, in turn, made it difficult to modernize the mining industry of the region. Due to the lack of the necessary database to assess the level of efficiency of the adaptation process of the Ural workers to solve this problem, we use the criterion of its confrontational, equilibrium or harmonious nature. Taking into account the insufficiency of unambiguously active forms of adaptation and the mass character of Patriarchal and paternalistic practices, the conflict nature of land relations, the high level of the strike movement, including factory terror, we can talk about the predominance of the first option and therefore consider the socio-economic adaptation of the workers of the mining Urals to be of little success.

Ключевые слова: рабочие; Урал; адаптация; поведение; обязательственные отношения.

Keywords: workers, the Urals, adaptation, behavior, binding relations.

Проблема социально-экономической адаптации населения к быстро меняющимся условиям современной российской жизни, нередко принимающим кризисный характер и заставляющим россиян постоянно искать адекватные способы приспособления к ним, вызывает повышенный интерес социологов. По справедливому замечанию А.С. Готлиба, история не часто дает возможность исследователям быть свидетелями масштабных социальных сдвигов и описать способы реагирования огромных масс людей на вызовы окружающей среды [Готлиб, 2001]. Об уровне исследовательского интереса к данной проблематике красноречиво свидетельствует появление новой отрасли социологического знания – социологии адаптации, в рамках которой выделено 30 классификационных осей, описывающих ее различные аспекты, и, соответственно, более 100 ее разновидностей [Корель, 2005]. При этом наибольшим вниманием специалистов пользуется социально-экономическая адаптация. Помимо ее безусловной важности, это связано с нестабильностью, подвижностью, неустойчивостью социально-психологических процессов адаптации на уровне личности, фиксация и прогнозирование которых сопряжены с большими трудностями.

Особенностью современной историографической ситуации является, с одной стороны, выделение проблемы выживания человека в экстремальных условиях и его вживания в новую реальность в качестве самостоятельного исследовательского пространства, с другой – рассмотрение ее в основном на материале революционных и социальных потрясений 1917–1922 гг. и последующего строительства социализма [Канищев, 1995; Лейбина, 1999; Нарский, 2001]. Дофевральской истории России в этом отношении «повезло» меньше, и изучение адаптационных практик россиян в условиях социально-экономических сдвигов пореформенной России ограничено отдельными сюжетами в статьях и монографиях отечественных историков [Полищук, 1997; Алеврас, 1999; Миронов, 1999; Коробков, 2010].

Сходные тенденции характерны и для европейской историографии, представители которой основное внимание уделяют революционной и постреволюционной проблематике (О. Фигс, Д. Рейли, В.Н. Бровкин, С. Коткин, Фицпатрик), а позднеимперский период с точки зрения адаптивных практик населения изучен значительно меньше (М. Хильдермайер, Б. Бонвеч, Т. Стеффенс, Т. Хельд).

С учетом того факта, что выбор моделей адаптивного поведения во многом зависит от наличия или отсутствия у адаптанта соответствующего опыта, который формируется и закрепляется в устойчивые поведенческие коды на протяжении жизни нескольких поко-

лений, в статье предпринята попытка выявления и анализа основных моделей адаптивного поведения горнозаводских рабочих Урала в пореформенный период. Выбор их в качестве объекта исследования помимо недостаточной разработанности данной проблематики в исторической литературе и возможности сравнения типичных поведенческих практик российского населения в начале XX и начале XXI веков обусловлен кризисным характером модернизации горнозаводской промышленности края, что актуализировало для местного населения проблему приспособления к вызовам макро- и микросреды.

Множественность адаптивных форм, определенная условность и схематичность классификационных схем при их соотнесении с реальными жизненными условиями, вековой временной интервал между современными подходами и реалиями российской жизни конца XIX – начала XX в. актуализирует проблему их адекватности социально-психологическим установкам, ценностным ориентациям и стандартам поведения населения пореформенной России. Классификационным критерием, который позволяет снять или, по крайней мере, минимизировать ее, является, на наш взгляд, фактор использования своих или чужих ресурсов жизнеобеспечения, который имеет универсальный характер и вневременную устойчивость. В соответствии с ним выделяется модель активной адаптации, ориентированной в основном на собственные силы, возможности, ресурсы и на воздействие на социальную среду, и пассивная адаптация, направленная на помощь и поддержку извне, выжидание, конформистское восприятие условий внешней среды и самокоррекцию в соответствии с ней, словом, то, что нередко определяют понятием «социальное иждивенчество».

Одними из наиболее типичных и массовых форм адаптационной активности уральских рабочих были разнообразные попытки минимизировать влияние кризиса горнозаводской промышленности и связанного с ним падения уровня жизни путем повышения выпуска продукции своих предприятий. Они варьировались от предложений по рационализации и оптимизации производства до передачи заводов в казенное управление, о чем просили в 1903 г. рабочие Ревдинского завода [Гаврилов, 1963], или под контроль самих рабочих, которые, как отмечал съезд горнопромышленников Урала в марте 1906 г., были уверены в том, что в случае перехода заводов в их руки «они поставили бы дело на более рациональную почву и избежали бы затрат на дорогую высшую администрацию»¹.

Особенно массовый характер действия рабочих по изменению ситуации собственными усилиями принимают весной 1917 г., что во многом определялось влиянием общеполитической обстановки в стране. Рабочие Мотовилихинского завода весной 1917 г. предложили организовать производство продукции для крестьян. К такому шагу их подтолкнуло желание внести свой вклад в строительство новой России и наличие неучтенных ресурсов, которые валялись «... 250-пудовыми болванками на берегу Камы и по всему заводу» [Пермская жизнь. 1917, 30 сентября]. Несмотря на попытки организации локаута со стороны администрации Сосьвинского завода в апреле 1917 г., его рабочие самостоятельно «организовали бесперебойную работу, образцовую тишину и спокойствие» [Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917, 3 мая].

В аналогичной ситуации рабочие челябинского механического завода в июне 1917 г. самостоятельно отправили своих представителей на поиск металла для изготовления снарядов на другие предприятия края [Уральская жизнь. 1917, 22 июня]. В виду угрозы закрытия Холуницких заводов его рабочие отстранили от добычи руды в Климковских рудниках работавших там военнопленных и своими силами увеличили ее в три раза [Вятская речь. 1917, 17 сентября].

Наряду с мерами по рационализации и оптимизации производства весной 1917 г. рабочие начинают переходить к введению контроля за технической стороной дела. Рабочие Алапаевского завода постановили 18 марта «выбрать постоянную комиссию по об-

---

¹ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 81. Оп. 1. Д. 233. Л. 2. Горные заводы Урала в условиях революции.

следованию вопросов, касающихся технической стороны дела»¹, рабочие Пашийского завода в апреле 1917 г. решили образовать фабрично-заводской комитет с целью побудить администрацию «к непрерывной деятельности по усилению производительности завода. Контрольная комиссия для хозяйственного, технического, финансового контроля над производством в Сысертском горном округе «начала действовать, предъявив целый ряд самых разнообразных требований для обеспечения безостановочного действия заводов»². Такая же ситуация была типична для многих других предприятий края весной 1917 г.

Поскольку данные меры не приносили ожидаемого результата, летом 1917 г. рабочие стали переходить к прямому захвату предприятий в свои руки. Образованная на Пашийском заводе в июне 1917 г. трудовая артель взяла под свой контроль разработку и эксплуатацию каменноугольных копий³. На заседании Совета съездов горнопромышленников Урала 8 июня говорилось о переходе управления Ревдинским округом в руки комитета из рабочих и служащих [Революционное движение..., 1959]. В сентябре 1917 г. рабочие совершили «самочинный захват» платиновых приисков Акционерного общества Нижне-Тагильских и Луньевских заводов, управление которыми было передано особому комитету⁴.

Помимо шагов по улучшению заводского производства, рабочие предпринимали неоднократные попытки создания предприятий малого бизнеса в форме мелких кустарных промыслов.

Еще в начале 80-х годов «рабочие Михайловского завода предлагали построить ремесленное училище за счет средств виноторговли, права на которую имели сельские общества на своих землях, для обучения своих детей кузнечно-слесарным и плотнично-столярным ремеслам. Таким способом они пытались обеспечить рабочей силой свои кустарные промыслы [Вяткин, 1965]. Однако введение винной монополии помешало реализации этого плана. Во второй половине 80-х гг. «в связи с сокращением работ на Воткинском заводе его рабочие образовали артель кустарных промыслов» [Положение рабочих..., 1960]. В дальнейшем рабочие того же Михайловского, Нижне-Сергинского, Атигского, других заводов неоднократно жаловались в высокие инстанции на свою администрацию, которая «сильно стесняет развитие сельскохозяйственного кустарного народного промысла»⁵.

Поскольку позиция Горного ведомства была направлена на сохранение монополизма заводчиков, в том числе путем запрета на развитие мелкой и кустарной промышленности и частных промыслов, эти жалобы рабочих оставались без ответа. Поэтому в начале XX в. данная адаптационная практика не получила широкого распространения и была частично восстановлена после Февральской революции.

Такой вариант адаптивно-активного поведения, как горизонтальная и вертикальная миграция, смена работы и вида деятельности на Урале, имел точечный и достаточно редкий характер. Это было связано с особенностями горноокружной системы, узкой профессиональной специализацией местных рабочих и с тем, что условия труда на новом месте не отличались от прежних, а условия быта значительно ухудшались из-за отсутствия своего дома, хозяйства и попадания рабочих в категорию «пришлых». В источниках конца XIX – начала XX в. фиксируются отдельные случаи меж- и внутризаводской мобильности рабочих Михайловского, Верхне-Сергинского, Добрянского, Саткинского, Воткинского, других заводов Урала, но массового характера данная практика не получила, и масте-

¹ РГИА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 72. Л. 43. Рапорт окружного инженера Алапаевского горного округа.

² РГИА. Ф. 86. Оп. 1. Д. 294. Л. 35. Отчет Уральского горного управления.

³ Государственный архив Пермской области (далее ГАПО). Ф. 167. Оп. 1. Д. 35. Л. 123. Сообщение управляющего Пашийским заводом окружному инженеру.

⁴ РГИА. Ф. 86. Оп. 1. Д. 320. Л. 7. Телеграмма правления Акционерного общества Нижне-Тагильских и Луньевских заводов в управление горных заводов МТиП.

⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. Д. 27. Л. 55. Донесение помощника начальника Пермского губернского жан-дармского управления.

вые могли годами перебиваться случайными заработками в расчете «рано или поздно быть на заводской работе».

Смена профессиональной деятельности с учетом природно-климатических и социально-экономических особенностей Урала была достаточно рискованным делом. Занятия сельскохозяйственным производством в малопродуктивных горнозаводских районах края были неперспективны. Это же относится и к занятиям ремеслом, кустарными промыслами, торговлей, которые в условиях отсутствия инфраструктуры имели смысл только в многочисленных поселках вблизи городов или трактов. Ситуацию усугубляла позиция заводоуправлений, о которой мы уже говорили.

Основной формой вторичной занятости рабочих горнозаводского Урала были различные виды сельскохозяйственного труда на принадлежавших им земельных наделах.

В конце XIX в., особенно после принятия закона 1893 г., в связи с усилением потребности рабочих в земле в условиях падения заводского производства массовый характер приняла практика ее самовольного захвата. При этом рабочие стремились закрепить за собой возможно большее количество земли в собственность, считая, что аренда «не отвечает рациональному ходу хлебопашества, а лишь только тормозит его...» [Озеров, 1910]. В целом они рассматривали земельные наделы и как средство повышения уровня жизни, и как страховой полис в случае потери работы, и как средство достижения определенной независимости от администрации. Для этого ночью они «распахивали или раскашивали значительные площади, вошедшие потом в их надел», или, что было типичным явлением, пользовались своего рода групповой порукой, когда рабочий приводил старожила, подтверждающего владение этой землей его предками, а назавтра они менялись местами [Озеров, 1910]. В результате, по свидетельству директора департамента государственных имуществ А.А. Риттиха, ситуацию может изменить только пересмотр норм 1861 г. В противном случае население «будет добиваться своих прав в том объеме, в каком оно их понимает», и «нет никакой силы, которая могла бы преодолеть эти законные стремления» [Алеврас, 1996].

О важности для уральских рабочих данного вида вторичной занятости свидетельствует и их специфическое отношение к такому пролетарскому лозунгу, как 8-часовой рабочий день.

Наряду с требованием его введения в источниках постоянно говорится о необходимости сохранения 12-ти и даже 24-часовых рабочих смен. Примечательно, что для подтверждения своих позиций во всех случаях приводится сходная аргументация. Обосновывая в апреле 1900 г. необходимость 8-часового рабочего дня, рабочие Златоустовского завода писали в своем прошении, что «всякий из нас, человек бедный и большую часть обремененный большим семейством, и мог бы в свободные часы съездить в лес или приработать к заводскому заработку еще что-либо, дабы на сколько-нибудь материально обеспечить семейство»¹. В свою очередь рабочие доменного цеха Верхне-Сергинского завода жаловались в январе 1899 г. окружному инженеру, «что введение 8-часовой смены вместо 12-часовой отражается неблагоприятно на домашнем быту рабочих, т. к. последние имели в своем распоряжении свободных только 16 часов вместо прежних 24» [Положение рабочих..., 1960]. Массовость подобных настроений подтверждает оценка Уральского горного управления в декабре 1905 г., которая отмечала, что, несмотря на тяжесть «огневой работы», «во многих случаях рабочий даже предпочитает 24-часовую смену при 2-х сменной работе или 12-часовую при трех сменах с тем, чтобы последующие 24 часа поехать в лес или на покос»².

В целом можно говорить о том, что стремление рабочих получить максимальное количество земли для достижения с ее помощью необходимого уровня социальной защи-

¹ Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). Ф. 24. Оп. 20. Д. 907. Л. 2. Прошение рабочих Златоустовского завода.

² РГИА. Ф. 48. Оп. 1. Д. 230. Л. 97. Записка Уральского горного управления о состоянии поземельных отношений на уральских заводах.

щенности и минимизации адаптивных потерь являлось ведущей тенденцией в истории земельных отношений на горнозаводском Урале на рубеже XIX–XX вв. и его можно рассматривать как вневременную, универсальную форму адаптационной активности населения. Такой же волнообразный характер (снижаясь в стабильные и возрастая в кризисные времена) эта жизненная практика имела в советский период, она же отличает поведенческие коды современных россиян. По данным социологических замеров, 81 % рабочих машиностроительных заводов Брянска, Пскова и Кирова в 2003 г. имели или хотели иметь земельные участки [Бессокирная, 2005]. С поправкой на региональную специфику эти данные характеризуют общероссийскую ситуацию в целом.

Основным проявлением пассивного варианта социально-экономической адаптации уральских рабочих являлась их апелляция к прошлому, стремление к реставрации тех или иных форм обязательственных отношений и патерналистские установки массового сознания. Практика производственных отношений на пореформенном Урале дает массу примеров подобного рода.

Прежде всего, мастера считали несправедливостью ликвидацию государственной и частной опеки над ними, которая составляла основу их отношений с предприятиями до 1861 г. Типичным примером является заявление цеховых депутатов Златоустовского заводского товарищества 11 ноября 1896 г. с просьбой оплаты заводом «земских дорожных повинностей рабочих, бесплатного лечения за счет завода членов рабочих семей, открытия бесплатной школы, предоставления покосов «беспокосным» [Положение рабочих..., 1960].

Еще одним свидетельством консервации уральскими рабочими патриархальной системы как попытки приспособления к новым условиям производства является массовая практика отказа от введения расчетных книжек на уральских заводах.

Рабочих Кыштымского и Сысертского горных округов, Воскресенского медеплавильного завода пугало, прежде всего, включение в правила о найме пункта об их ответственности в случае стачки, рабочие Нижне-Тагильского завода вообще были против печатания «в книжках подробного изложения ответственности рабочих с буквальным изложением статей закона из Уложения о наказаниях...»¹. Отказываясь от введения новых расчетных книжек в 1903 г., рабочие Златоустовского завода, по свидетельству горного начальника, требовали исключения из них выдержек из законов об обязанностях рабочих². Рабочие Ревдинского завода вообще не желали «связывать себя никакими обязательствами»³.

Другой разновидностью пассивного приспособления к ситуации являлись регулярные апелляции рабочих к властным структурам с целью предотвращения массового сокращения производства. Рабочие были уверены, что заводоуправления «обязаны предоставить им необходимый для содержания семьи объем работ и считали иной порядок вещей колоссальной несправедливостью и незаконным поступком» [Митинский, 1909]. Для ее восстановления они постоянно обращались в вышестоящие инстанции с требованиями и просьбами предоставления им полной занятости. Суть этих предложений, по свидетельству рабочих мартеновского цеха Нижне-Тагильского завода, сводилась к обеспечению уровня жизни «настолько, чтобы рабочий вместе со своей семьей не имел нужды в удовлетворении первых и настоятельных жизненных потребностей»⁴.

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее ЦДОО СО). Ф. 221. Оп. 2. Д. 4. Л. 235. Докладная записка Уральского горного управления о введении расчетных книжек на заводах Урала.

² Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (далее ЦГИА РБ). Ф. 187. Оп. 1. Д. 35. Л. 593. Рапорт горного начальника Златоустовского завода.

³ РГИА. Ф. 74. Оп. 1. Д. 316. Л. 76. Донесение заводоуправления Ревдинского завода.

⁴ Там же. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1743. Л. 6. Докладная записка рабочих мартеновского цеха Нижне-Тагильского завода.

Сложившаяся в горнозаводской промышленности дореформенного Урала система «тотальной» опеки рабочих казенных и частных заводов способствовала формированию, особенно в первые пореформенные десятилетия, выжидательных адаптивных практик, как правило, связанных с самоограничением. Осенью 1861 г. «рабочие Очерского завода отказались от предложения управляющего сформировать несколько артелей для работы в других заводах с условием обеспечения семей артельщиков в течение 2-х месяцев бесплатным провиантом и освобождения на 4 месяца от всех повинностей» [Положение рабочих..., 1960]. По сообщению управляющего Павловским заводом, «мастеровые катального цеха отказываются от работ в плющильном цехе и мало выходят на поденные работы» [Положение рабочих..., 1960], хотя в плющильном цехе был острый недостаток рабочих рук. Несмотря на сокращение работ, увеличение количества гулевых дней, рост безработицы и падение жизненного уровня, рабочие Билимбаевского завода отклонили в 1883 г. предложение администрации переселиться на Кыновский завод [Положение рабочих..., 1960].

В целом подобная адаптивная практика, по замечанию уфимского окружного инженера, сводилась главным образом к желанию рабочих «иметь все льготы и работать только дома» [Положение рабочих..., 1960]. Эти слова, сказанные в мае 1897 г. в адрес рабочих Усть-Катавского завода, типичны для всего горнозаводского Урала. Более того, чтобы остаться на своем заводе, рабочие нередко соглашались на самые невыгодные условия труда и тем самым невольно консервировали отжившую систему. По донесению уфимского губернатора, «чтобы иметь летом работу на заводе», многие рабочие Юрюзанского завода «зимой, не имея лошади, нанимают за себя других и, получая за доставленные дрова от завода, например, 4 рубля, платят от себя 5 рублей, а иногда и более» [Металлисты Урала..., 1926].

Проявлением патерналистской составляющей социальной психологии уральских рабочих служит практика их массовых обращений к центральной власти об оказании помощи, социальной защите и ограждении от произвола заводского начальства. «Ужели то самое правительство, которое целое столетие заботилось о нас... не поможет нам вновь?», – спрашивали в своем прошении 18 апреля 1895 года рабочие Ижевского завода¹. В октябре 1902 г. волостной старшина успокоил взволнованную реальной угрозой закрытия Ревдинского завода толпу местных рабочих, внушив ей, «что начальство никогда не оставит без защиты заводское население и не дозволит никогда Ратькову-Рожднову обречь на голодную смерть население Ревдинских заводов» [Положение рабочих..., 1960].

Рабочие, в ответ на объявление о закрытии заводов Нижне-Тагильском горном округе, заявили о своем желании послать телеграмму Николаю II, царю-защитнику, который не позволит им умереть с голоду², и упорно стояли на своем³. Обобщая эту ситуацию, министр земледелия и государственных имуществ отмечал в ноябре 1905 г., что рабочие частных заводов «объясняют полученные ими повсюду отказы тем, что их жалобы «не доходят»⁴.

Массовость подобных приспособленческих жизненных практик определялась, прежде всего, влиянием сложившихся на дореформенном Урале и закрепившихся в сознании населения традиций, обычаев, норм и образцов поведения, которые формировали соответствующие механизмы адаптации после отмены крепостного права. По свидетельству рабочих Ижевского завода в апреле 1885 г., вплоть до 1867 г. «всякие заботы о существовании их всецело лежали на правительстве, которое в лице заводской администрации давало им работу, кормило, учило, лечило их, словом, со дня рождения каждого рабочего до

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. Д. 82. Л. 188. Прощение рабочих Ижевского завода.

² Там же. Ф. 74. Оп. 1. Д. 316. Л. 36. Донесение исправника Нижне-Тагильского завода.

³ Там же. Ф. 37. Оп. 58. Д. 390. Л. 182, 187. Служебная записка управляющего Богословским горным округом.

⁴ Там же. Ф. 1291. Оп. 66. Д. 27. Л. 118. Служебная записка министра земледелия и государственных имуществ.

могилы думало и заботилось об его физическом и духовном существовании. В такой обстановке родилось и прожило несколько поколений»¹, что формировало у них убеждение в незыблемости данных порядков.

Как показывает проведенный анализ, уральским рабочим были присущи разнообразные способы приспособления к меняющимся реалиям пореформенной России. Разделение их адаптационных практик на активные и пассивные носит достаточно условный характер. В активных стратегиях поведения ведущей тенденцией в приспособлении рабочих к изменяющейся ситуации была консервация сложившихся ранее производственных отношений. Это проявлялось не только в земельном вопросе, наиболее массовой и типичной форме самоконсервации существующей системы, но и в переходе предприятий под рабочее управление. По свидетельству управляющего Северского завода Чеканцева, который отмечал и положительные моменты участия рабочих в управлении, осенью 1917 г. они предъявляли «ряд требований, направленных к уменьшению продуктивности труда»², связанных со стремлением облегчить себе работу, получить больше времени для ведения домашних дел, повысить себе зарплату, поставить на должности «своих» людей и других требований, характеризующих особенности их психического склада и уровень культуры.

Даже такие формы производственной адаптации как организация рабочими трудовых артелей строились по уравнительному принципу с целью «дать заработок возможно большему числу рабочего населения» без учета профессиональных качеств работников [Озеров, 1910].

Это позволяет утверждать, что многие активные формы социально-экономической адаптации уральских рабочих определяло стремление не к изменению окружающего производственно-бытового ландшафта, а к его консервации и приспособлению к нему. В свою очередь, в основе пассивных форм адаптационного поведения уральских рабочих лежало увеличение трудовых затрат и регулярное самоограничение, т. е. расчет на собственные силы как один из главных факторов активного варианта социально-экономической адаптации. Поэтому корректней будет говорить о преобладании смешанных форм адаптивного поведения уральских рабочих.

Главным же адаптивно-образующим фактором необходимо считать влияние обязательственных отношений в рамках горноокружной системы, которые на протяжении многих десятилетий формировали у рабочих твердое убеждение об историческом долге заводов перед ними и «жесткую сцепку» со своим производственно-бытовым ландшафтом, что, по словам И.Х. Озерова, превратило рабочего в «улитку, сросшуюся со своей раковиной...» [Озеров, 1910], и изменение для него среды обитания означало, по справедливому замечанию другого известного ураловеда В.Д. Белова, разрушение всего своего мира [Белов, 1909] и фундаментальных основ жизни.

Необходимо отметить и влияние социокультурного механизма «архаизации сознания», в соответствии с которым «особые... стрессогенные ситуации всегда подавляют или разрушают исторически более поздние, высшие формы культуры (и социальности) и актуализируют предковые... модели поведения» [Яковенко, 1997], которые начинают доминировать в обществе.

В самом общем виде можно говорить о многообразии адаптационных практик уральских рабочих в рамках даже одной, активно-пассивной, классификационной сетки и сложности, а, может быть, невозможности конструирования некоего универсального, единого для всех механизма социально-экономической адаптации.

При этом, практически все адаптивные стратегии уральских рабочих, как показывает сравнение с аналогичными процессами в современной России, носят универсальный характер. Разница заключается в количественном и качественном соотношении различных форм, но векторы социально-экономической адаптации развивались и развиваются в оди-

¹ Там же. Ф. 1291. Оп. 66. Д. 82. Л. 187. Прошение рабочих Ижевского завода.

² Там же. Ф. 86. Оп. 1. Д. 294. Л. 36. Донесение управляющего Северского завода Чеканцева.

наковом направлении. Так же, как и сейчас, уральские рабочие в начале XX в. находились на различных стадиях адаптационного процесса. Часть из них так и не вышла из состояния социально-психологического шока и не смогла найти адекватные ответы на вызовы среды, другие достаточно уверенно приспособивались к новой ситуации, третьи находились в середине пути.

В силу отсутствия необходимой базы данных достаточно сложно дать однозначный ответ на вопрос об эффективности адаптационного процесса уральских рабочих. Если исходить из критерия его конфронтационного, равновесного или гармоничного характера, то с учетом точности однозначно активных форм адаптации, конфликтного характера земельных отношений, высокого уровня забастовочного движения, в том числе заводского террора, можно говорить о преобладании первого варианта и потому считать социально-экономическую адаптацию рабочих горнозаводского Урала малоуспешной. В этом нас убеждает накопленный в ходе ее огромный протестный потенциал, который выплеснулся на поверхность российской действительности в 1917 г. и во многом повлиял на развитие страны.

Список литературы

1. Алеврас Н.Н. 1996. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск, Челяб. гос. ун-т, 212.
2. Алеврас Н.Н. 1999. «Уральский кризис» в начале XX в.: специфика промышленной субкультуры. Урал в событиях 1917–1921 гг. В кн.: Актуальные проблемы изучения. Челябинск, Челяб. гос. ун-т: 165–174.
3. Белов В.Д. 1910. Кризис уральских горных заводов. 1909. СПб., паров. скоропеч. М.М. Гутзаца, 82.
4. Бессокирная Г.П. 2005. Стратегии выживания рабочих. Социологические исследования, 9: 47–56.
5. Вяткин М.П. 1965. Горнозаводской Урал в 1900–1917 гг. М.-Л., Наука, 398.
6. Гаврилов Д.В. 1963. К истории Ревдинского завода. В кн.: Из истории заводов и фабрик Урала. Вып. 2. Свердловск, Кн. изд-во: 132–145.
7. Готлиб А.С. 2001. Социально-экономическая адаптация россиян: факторы успешности и неуспешности. Социологические исследования. 7: 1–59.
8. Канищев В.В. 1995. Русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. Тамбов, Изд-во Тамбов, ун-та, 162.
9. Корель Л.В. 2005. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, Наука, 424.
10. Коробков Ю.Д. 2010. Социальный облик рабочих горнозаводского Урала в пореформенный период: особенности формирования и определения. Проблемы российской истории. 1 (10): 5–16.
11. Лейбина Н.Б. 1999. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. СПб., Журнал «Нева» – ИД «Летний Сад», 320.
12. Металлисты Урала накануне и в период 1905 г. 1926. Свердловск, Кн. изд-во, 206.
13. Миронов Б.Н. 1999. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: «Дмитрий Буланин», Т.1: 549. Т. 2: 566.
14. Митинский А.Н. 1909. Горнозаводской Урал. СПб., Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 244.
15. Нарский И.В. 2001. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 633.
16. Озеров И.Х. 1910. Горные заводы Урала. М., Т-во И.Д. Сытина, 255.
17. Полищук Н.С. 1997. Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX – нач. XX в.). В кн.: Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г.: СПб., Издательство «БЛИЦ»: 114–130.
18. Положение рабочих Урала во второй половине XIX – нач. XX в. 1861–1904 г. 1960. М.-Л., Изд-во АН СССР, 665.
19. Революционное движение в июне 1917 г. 1959. М., Наука, 624.

20. Яковенко И.Г. 1997. Прошлое и настоящее России: имперский идеал и национальный интерес. Политические исследования, 4: 91–102.

References

1. Alevras N.N. 1996. Agrarnaya politika pravitel'stva na gornozavodskom Urale v nachale XX v. [Agrarian government policy in the mining Urals in the early XX century]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, 212.

2. Alevras N.N. 1999. «Ural'skiy krizis» v nachale XX v.: spetsifika promyshlennoy subkul'tury [«Ural crisis» at the beginning of the 20th century: specifics of the industrial subculture]. V kn.: Ural v sobyitiyakh 1917–1921gg.: Aktual'nyye problemy izucheniya [Ural in the events of 1917–1921. Actual problems of study]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, 165–174.

3. Belov V.D. 1910. Krizis ural'skikh gornykh zavodov. 1909. [The crisis of the Ural mining plants]. St. Petersburg, Publishing house M.M. Gutzatsa, 82.

4. Bessokirnaya G.P. 2005. Strategii vyzhivaniya rabochikh [Worker Survival Strategies]. Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological research], 9: 47–56.

5. Vyatkin M.P. 1965. Gornozavodskoy Ural v 1900–1917 gg. [Gornozavodsky Ural in 1900–1917]. M.-L., Nauka, 398.

6. Gavrilov D.V. 1963. K istorii Revdinskogo zavoda. [To the history of the Revdinsky plant]. V kn.: Iz istorii zavodov i fabrik Urala [From the history of plants and factories in the Urals]. Vyp. 2. Sverdlovsk, Book publisher: 132–145.

7. Gotlib A.S. 2001. Sotsial'no-ekonomicheskaya adaptatsiya rossiyan: faktory uspehnosti i neuspeshnosti [Socio-economic adaptation of Russians: factors of success and failure]. Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological research], 7: 1–59.

8. Kanishchev V.V. 1995. Russkiy bunt – bessmyslenny i besposhchadnyy. Pogromnoye dvizheniye v gorodakh Rossii v 1917–1918 gg. [Russian revolt is senseless and merciless. Pogrom movement in Russian cities in 1917–1918]. Tambov, Publ. Tambov University, 162.

9. Korel' L.V. 2005. Sotsiologiya adaptatsiy: voprosy teorii, metodologii i metodiki [Sociology of adaptations: questions of theory, methodology and methodology]. Novosibirsk: Nauka, 424.

10. Korobkov Yu.D. 2010. Sotsial'nyy oblik rabochikh gornozavodskogo Urala v poreformennyy period: osobennosti formirovaniya i opredeleniya [The social appearance of the workers of the mining Urals in the post-reform period: features of formation and definition]. Problemy rossiyskoy istorii [Problems of Russian history], 1 (10): 5–16.

11. Leybina N.B. 1999. Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920–1930-e gody [Everyday life of the Soviet city: Norms and anomalies. 1920–1930]. St. Petersburg, Journal «Neva» – Publishing House «Letniy Sad», 320.

12. Metalworkers of the Urals on the eve and in the period of 1905. 1926. Sverdlovsk, Book publisher, 206 p.

13. Mironov B.N. 1999. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX vv.). Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva. [The social history of Russia during the empire (XVIII – early XX centuries). The genesis of personality, a democratic family, civil society and the rule of law]. St. Petersburg, «Dmitriy Bulanin», T.1: 549, T. 2: 566.

14. Mitinskiy A.N. 1909. Gornozavodskoy Ural [Gornozavodsky Ural]. St. Petersburg, Typography of F. Weisberg and P. Gershunin, 244.

15. Narskiy I.V. 2001. Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg. [Life in a disaster: Weekdays of the population of the Urals in 1917–1922]. M., Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSP·EN), 633.

16. Ozerov I.Kh. 1910. Gornyye zavody Urala [Mountain factories of the Urals]. M., Publishing house I.D. Sytina, 255.

17. Polishchuk N.S. 1997. Obychai i nrvy rabochikh Rossii (konets XIX – nach. XX v.) [Customs and manners of the workers of Russia (end of XIX – beginning of XX century)]. V kn.: Rabochiye i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsiy. 1861 – fevral' 1917 g. [Workers and intelligentsia of Russia in the era of reforms and revolutions. 1861 – February 1917]. St. Petersburg, Publishing house «BLITZ»: 114–130.

18. The situation of workers in the Urals in the second half of the XIXth – early XX century. 1861–1904. 1960. M.-L., USSR Academy of Sciences, 665.

19. The revolutionary movement in June 191]. 1959. М., Nauka, 624.

20. Iakovenko I.G. 1997. Proshloe i nastoiashchee Rossii: imperskii ideal i nacional'nyi interes. [The past and present of Russia: imperial ideal and national interes]. Politicheskie issledovaniia [Policy research], 4: 91–102.

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Коробков Ю.Д. 2019. Социально-экономическая адаптация рабочих горнозаводского Урала в конце XIX – начале XX в. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология, 46(4): 713–723. DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-4-713-723

Korobkov Yu.D. 2019. Socio-economic adaptation of workers of the mining Urals in the late XIXth – early XXth centuries. Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science, 46(4): 713–723 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-4-713-723